

он, бесспорно, сделан в Киевской Руси и так как это наиболее обширный по объему и разнообразный по содержанию памятник. «История» не принадлежала к числу церковных вообще, ни тем более собственно богослужбных книг, при переводе которых с греческого на церковнославянский текст передавался буква в букву с соблюдением того же порядка слов, тех же синтаксических конструкций, что и в греческом оригинале. Светское содержание переводимого текста допускало значительно большую свободу для переводчика. Он стремился не к буквальной передаче текста, а напротив, главным образом к тому, чтобы сделать его содержание более доступным, понятным, интересным и даже увлекательным для своих древнерусских читателей, приблизить его по возможности к их понятиям и запросам.¹² Словом, переводчик был не рабом, а соперником автора, творчески пересоздавал его произведение и подчинял все его положения своей основной идее. Свобода перевода, таким образом, связывается с высоким литературным мастерством, свидетельствующим о незаурядных дарованиях переводчика как художника слова и о высоком уровне развития русского литературного языка того времени.

Свобода перевода и литературное мастерство переводчика проявляется в следующем: а) естественный порядок слов, независимый от порядка слов оригинала; б) конкретизация общих отвлеченных понятий; в) художественное распространение описания, преимущественно боевых эпизодов; г) приспособление к русским пониманиям того времени к насыщению особенностями русского быта; д) внесение прямой речи и диалога взамен косвенной речи и повествования о событиях в оригинале; е) широкое использование метафор, сравнений и развернутых образных выражений, не имеющих соответствия в греческом тексте; частое применение фразеологических средств русского языка; ж) эмоционально насыщенные описания природы, данные гораздо ярче и красочнее, чем в оригинале; з) использование звуковой организации речи, рифмы и ритмического членения фраз.

Рассмотрим отдельно каждую из отмеченных сторон стиля, характерного для древнерусского перевода «Истории иудейской войны».

Для того чтобы судить о свободе древнерусского перевода по отношению к греческому оригиналу в смысле построения предложений в порядке слов, достаточно сравнить точный подстрочник любого места из любой книги «Истории» с его древнерусским текстом. Так, например:¹³ кн. III, гл. V (подстрочник с соблюдением расстановки слов греческого подлинника): «Когда в Иерусалиме о иотапатском несчастье было узвано, то сначала не верили многие и ради размеров бедствия, и ради того, что никто из говоривших очевидцем не являлся, ибо не спасся ни один вестник, но сама собою распространялась молва, которая обычно разносит всякое несчастье». То же в древнерусском тексте: «Бывши вести в Иерусалиме [о] иотапатстеге страсти и о пленении, не яша веры величества реди вещи, зане не бысть человека, иже бы очима своима видел, не утече бо ни один вестник, но сама весть проповедаше».¹⁴ Кн. IV, гл. I, ч. 2: «Таким образом по природе неприступный город он сделал еще более неприступным, укре-

¹² См. подробнее: Н. А. Мещерский. «История иудейской войны» Иосифа Флавия в древнерусском переводе. М.—Л., 1958, стр. 64—91.

¹³ Сравнения с греческим текстом «Истории иудейской войны» делаем по изданию Б. Низе: Flavii Josephi opera edidit et apparatus critico instruxit Benedictus Niese. Volumen VI. De bello Judaico libros VII ediderunt Justus a Destinon et Benedictus Niese. Berolini apud Wiedemannum MDCCCXCIV (1894).

¹⁴ Древнерусский текст перевода «Истории иудейской войны» приводим по списку Виленского хронографа (рукопись Библиотеки Академии наук Литовской ССР № 109 (147), лл. 500—736).